

Ольга Хвостова*

Николай Чернышевский и Михаил Катков: стратагемы литературной полемики

В июле 2018 года исполнилось 190 лет со дня рождения Николая Гавриловича Чернышевского. В феврале этого же года почти не замеченным прошел юбилей – 200-летие со дня рождения Михаила Никифоровича Каткова, публициста, редактора не только одного из лучших литературных журналов второй половины 19 века – *Русского Вестника*, но и основоположника политической журналистики в России, идеолога русского консерватизма, контрреформ Александра III. Чернышевский пережил Каткова на два года. И оба автора до сих пор находятся в плену политических мифологий, с непременно полярными оценками.

Тема «Н.Г. Чернышевский и М.Н. Катков» возникает с очевидностью, если ознакомиться с полемическими статьями *Современника* и *Русского Вестника* второй половины 1850-х – начала 1860-х годов. Оба литератора вырабатывали общественно-литературные направления своих изданий, сталкиваясь по вопросам философии, литературы, эстетики, литературной критики, экономики, женского движения. Одна из самых известных – статья Н.Г. Чернышевского «Полемиические красоты» (*Современник*. 1861. № 6-7) – была направлена против выпадов *Русского Вестника* и лично М.Н. Каткова: «Скучные времена, глупые времена, – дай, думаю, поразвлекусь полемикою, на которую, как я слышу, напрашивается *Русский Вестник*. Вот и развлекаюсь. Плохое развлечение, а все же лучше, чем запить с тоски. Надоест – брошу, что бы вы там ни писали обо мне или о *Современнике*. А пока еще не надоело, развлекаюсь, как видите»¹. Катков поднял перчатку и нанес ответный удар в статьях «По поводу "Полемиических красот" в *Современнике*» (1861. Июнь) и «Виды на entente cordiale <сердечное соглашение> с *Современником*» (1861. июль): «Г. Чернышевский писал свою статью с помощью всех стратагем литературной полемики. При гомерической откровенности, она еще сдобрена разными пряностями. Где покажется нужным, автор берет тон русского национального юродства. Где нужно, он на иностранный манер блестящими силлогизмами, на которые такой мастер, вдруг зайдет с тыла

* Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.

¹ Чернышевский Н.Г. Полемиические красоты: коллекция первая. Красоты, собранные из *Русского вестника* // Катков М.Н. Собр. соч. В 6 тт. Т. 6. Михаил Никифорович Катков: pro et contra. СПб., 2012. С. 81.

своему противнику и захохочет, воображая себе его оторопелый вид. Он не только наносит противнику удары, но и сам предупредительно испускает за него раздирающий вопль боли»².

Однако историки освободительного движения всегда преувеличивали степень их разногласий, которые нельзя свести к постоянному факту борьбы Каткова против революционеров и нигилистов, социалистов. У редактора *Русского Вестника* было много идейных врагов, поэтому надо осторожно принимать на веру обвинения в безнравственном поведении и резкой смене воззрений Каткова (например, читая воспоминания Б.Н. Чичерина). Никто не может оспорить его выдающийся публицистический талант – и пафосный, и саркастический.

К моменту, когда Чернышевский пришел в некрасовский *Современник* в 1854 г., Катков еще придерживался либеральных взглядов. Его привлекала английская парламентская система, он был англومانом, выступал против принципа народности, крестьянской общины с ее круговой порукой. Новых славянофилов он видел лишь эпигонами. С возрастом консервативные тенденции монархизма и православия в его мировоззрении усиливались, а либеральные слабели.

Когда же познакомились Катков и Чернышевский? Вероятно, раньше, чем это известно сейчас. Дату их встречи зафиксировал сам Чернышевский в письме к Н.А. Добролюбову от 27 апреля 1861 г.: «27 марта в 11 часов утра входит в переднюю М.Н. Каткова человек среднего роста и средних лет – этот человек я... Опять распростертые объятия и т.д. Опять созываются московские мужи (в квартиру Каткова 28 марта). Опять падает занавес скромной Клио. Я по два раза в день бываю у Каткова»³.

В молодые годы Катков посещал кружок Н.В. Станкевича, успел сотрудничать с В.Г. Белинским в одной редакции *Отечественных записок*, слушал лекции Шеллинга в Германии, был настолько близок с его семьей, что чуть не женился на его дочери. Неожиданно для многих возвратился в Россию, сблизился со славянофилами. По натуре Катков был смелым, решительным человеком. Он вызвал на дуэль Михаила Бакунина из-за одной дамы, и только П.В. Анненков отговорил обоих от поединка. Катков написал магистерскую диссертацию по славяно-русскому языку (1845). До 1850 г. преподавал в качестве адъюнкта на кафедре философии Московского университета, читал курсы логики, психологии, истории философии. Ушел из университета, когда эти предметы передали на кафедру богословия. Издал *Очерки древнейшего периода греческой философии* (1851, 1853).

С 1851 г. Катков начинает редактировать университетскую газету *Московские Ведомости*, ставшую впоследствии, в 1860–1880-е годы, основным рупором его внезапно разгоревшегося «пламенного интереса» к политике. Это был путь от

² Катков М.Н. Виды на *entente cordiale* <полюбовное соглашение> с *Современником* // он же. Собр. соч. В 6 тт. Т. 1. Заслуга Пушкина: о литераторах и литературе. СПб., 2012. С. 420.

³ Цит. по: Катков. Собр. соч. В 6 тт. Т. 6. С. 787. Комментар. А.Н. Николюкина и Т.Ф. Прокопова.

казенного редактора газеты, как тогда говорили, с перерывом, к единоличному редактированию. Собственно, второе пришествие Каткова в журналистику совпало с приходом туда Чернышевского. В 1853 г. молодой саратовец после преподавания в классической гимназии приезжает в Петербург и избирает своим поприщем литературно-журнальную деятельность (министр просвещения А.С. Норов утвердил защищенную магистерскую диссертацию Чернышевского *Эстетические отношения искусства к действительности* (1855) только в 1858 году).

Катков в 1856 г. вместе с другими учредителями основывает журнал *Русский Вестник*. По свидетельству его ближайшего сотрудника Николая Алексеевича Любимова, «коренное разногласие направлений *Современника* и *Русского Вестника* обнаружилось лишь с течением времени. С зарею нового царствования стремление к общественной свободе, гласности, слову, свету обнимало все русское общество без различия оттенков мнений; было одно либеральное течение. Кружок *Современника* считал *Русский Вестник* идущим в одном с собою направлении, только медленнее и не в передних рядах. Радикализм *Современника*, еще робко высказывавшийся, не привлекал к себе внимания редактора *Вестника*»⁴. Так, Катков поправляет в 1856 г. программное заявление издателей журнала *Русская Беседа* (славянофильский орган!): «науки и искусства допускают лишь одно воззрение: *просвещенное, следовательно, общечеловеческое*»⁵.

Выход в свет *Сочинений Пушкина*, изданных П. В. Анненковым, послужил поводом к написанию монографической работы Каткова «Пушкин». Этот литературно-эстетический трактат появляется на страницах *Русского Вестника* (1856) в разгар литературно-журнальных столкновений между представителями «реальной» и «эстетической» критики и выражает эстетическую программу журнала. Магистерская диссертация Н.Г. Чернышевского *Эстетические отношения искусства к действительности*, его статьи по поводу анненковского издания Пушкина, книга *Очерки гоголевского периода русской литературы* становятся манифестами гоголевского направления. Чернышевский высоко оценил вклад Каткова в осмысление пушкинского наследия. Он называет статью Каткова «капитальной», выделяя в ее содержании, прежде всего, «разрешение чисто эстетических задач», соотнося их с «характером общего воззрения»⁶ *Русского вестника*.

Каткова занимают вопросы о сущности, целях, «теоретическом» и «практическом» значении искусства, о назначении поэта и поэзии, о природе вдохновения, соотношении сознательного и бессознательного в искусстве, о сходстве и различии «мысли» в поэзии и «отвлеченном мышлении». Критик является приверженцем того, что у Пушкина была своя теория искусства, воплощенная им в стихотворениях «Разговор книгопродавца с поэтом», «Чернь», «Поэт, не дорожи лю-

⁴ Любимов Н.А. Катков и его историческая заслуга // Катков. Собр. соч. В 6 тт. Т. 6. С. 317.

⁵ Цит. по: Неведенский С. Катков и его время // Там же. С. 329.

⁶ Чернышевский Н.Г. Заметки о журналах // он же. Полн. собр. соч. В 15 тт. Т. 3. М., 1947. С. 642.

бовию народной!», «Поэт», «Эхо». Катков в понимании искусства идет вслед за немецкой классической философией (Кант, Гегель) в найденной им формуле: «Поэзия есть, прежде всего, одна из форм нашего сознания. (...) Поэзия, в истинном смысле, есть познающая мысль, направленная на то, что не подвластно отвлеченному мышлению»⁷.

В стихотворении «Чернь» Катков находит конкретизацию практической роли искусства, выделяя два момента о существовании искусства. От художника нельзя требовать внешней практической пользы: «Печной горшок тебе дороже, / Ты пищу в нем себе варишь...». И второе, когда на поэта возлагают миссию исправления пороков. Обе эти крайности противоречат цели искусства и вдохновению. Искусство, будучи свободным полетом вдохновения, способствует успехам гражданственности, развитию общественных отношений, происходит «очеловечивание жизни».

Катков цитирует хрестоматийные строки («Не для житейского волнения, / Не для корысти, не для битв, / Мы рождены для вдохновения, / Для звуков сладких и молитв»), являющиеся знаменем «эстетического» направления, приверженцев «чистого искусства», но критик спорит с ним, и в этом солидаризуется с эстетическими принципами Чернышевского: «Все неприятно поражающее ум в этом знаменитом выражении: "искусство для искусства" заключается в представлении, будто художник должен иметь своею целию только изящество исполнения, и тут мы с полным правом восклицаем: нет! искусство должно иметь какую-либо более существенную цель; пусть оно лучше оставит тщеславное притязание находить в самом себе цель для своих явлений и будет лишь простым и честным орудием для других назначений, на которые вызывает его жизнь со своими битвами и стремлениями»⁸. Разность же их воззрений особенно заметна на фигуре Гоголя, которому, по Каткову, «оказывалось снисхождение только за его сомнительное свойство обличителя»⁹.

Чем же отличается позиция Каткова от принципов «триумвирата» – Анненкова, Дружинина, Боткина? Редактор *Русского Вестника*, по сути, провозглашает собственную эстетическую программу: «Люди призваны в мир не для одного спокойного созерцания; мы должны действовать и участвовать в великих битвах жизни, каждый по силам и средствам своим; все в человеческом мире стремится и действует, все в напряжении и борьбе; так!»¹⁰. Это не только декларация литературного критика, она имеет и автобиографическое звучание: Катков умел действовать и делал это с поразительной результативностью в политике, журналистике, редакционных делах.

⁷ Катков М.Н. Пушкин // он же. Собр. соч. В 6 тт. Т. 1. С. 252, 255.

⁸ Там же. С. 269.

⁹ Цит. по: Чернышевский. Полемические красоты ... С. 69.

¹⁰ Катков. Пушкин ... С. 265.

В 1858 г. литераторы *Современника* и *Русского Вестника* составляют общее протестное письмо против журнала *Иллюстрация* издателя В.Р. Зотова, оскорбившего М.И. Горвица, профессора Медико-хирургической академии, и И.А. Чацкого, врача и публициста. Подписи Чернышевского и Каткова стоят на одном листе. Казалось, не было причин враждебности двух изданий. Была конкуренция за подписчика, читателя.

В 1862 г. *Современник* имел 7000 подписчиков, *Русский Вестник* – 4000. Один журнал поддерживало молодое поколение, легко вычитывая в его материалах на эзоповом языке радикальные лозунги. Более пожилой читатель ориентировался на «умеренный прогресс» другого издания. Все тот же Н.А. Любимов вспоминал: «Нельзя не признать... что в презрении своем к "либералам", какими переполнен был тогда чиновный Петербург, г. Чернышевский был прав. Хотя вместе с тем был и неблагодарен, так как, только благодаря именно легионам этих рабских умов могло установиться господство *Современника* и могли получить значение серьезного явления иллюзии самого бессмысленного радикализма»¹¹.

Чернышевский брал под свою защиту студентов: «Студенты никогда и не верили нашим либералам, всегда считали их людьми пустыми, просто пустозвонами» (из статьи, последней перед арестом, «Научились ли?», *Современник*. 1862. № 4). Он настойчиво отделял *Современник* от «либералов» в сознании молодежи: «Студенты действительно находились под обаянием сотрудников *Современника* и в особенности г. Чернышевского. Из самой статьи его можно было видеть, что он был в секрете тогдашних студенческих дел и имел в них властное значение»¹².

А что же Катков? Он, противник «эзопова языка» *Современника*, «перехода от дела к личности», выступал за ясность выражения мыслей, так как под намеками и иносказаниями скрывается тонкий политический расчет: «Неуловимый оборот речи, не доступный никакому контролю колорит сделают все, что нужно, и именно сделают тогда, когда ясному слову будет отказано в праве. Чтобы запутать понятия и произвести в них брожения, нужно темное слово»¹³.

Чернышевский, по выражению Каткова, «обругал в глаза» авторов *Русского Вестника*: Альбертини, Буслаева, Громеку, Дудышкина и т.д. Серьезную критику профессора П.Д. Юркевича «Из науки о человеческом духе» (*Труды Киевской духовной академии*. 1860. № 4) на «Антропологический принцип в философии» (*Современник*. 1860. № 4-5) Чернышевский не стал предметно опровергать. И получил полемический выпад Каткова: «Как он растерялся! Зачем ему так хочется уверить публику, что он не читал и не будет читать статьи своего критика? Ведь это хуже, что он не читал и не хочет читать. Ведь это избличает более сла-

¹¹ Любимов. Катков и его историческая заслуга ... С. 319.

¹² Там же. С. 320.

¹³ Цит. по: Там же. С. 322.

бость, нежели твердость»¹⁴. Справедливости ради следует сказать, что анализ Юркевича был наиболее глубокой при жизни Чернышевского оценкой «Антропологического принципа в философии», философских источников и идейных авторитетов автора этой работы.

В рецензии на книгу американского экономиста Каре (Генри Чарлза Кэри) *Письма к президенту Соединенных Штатов* (см.: *Современник*. 1861. № 1) редактор *Современника* делает неожиданные отступления, фактически призывая к политической активности. Вот хрестоматийные строки (один из любимых афоризмов В.И. Ленина): «Исторический путь, – не тротуар Невского проспекта; он идет целиком через поля то пыльные, то грязные, то чрез болота, то чрез дебри. Кто боится быть покрыт пылью и выпачкать сапоги, тот не принимайся за общественную деятельность»¹⁵. Слова эти Чернышевский связал с историей непорочной вдовы из драмы П. Джакометти *Юдифь* на библейский сюжет. Героиня, по мнению рецензента, не пожалела «запятнать свою честь» ради спасения города и своего народа. Рассказанная судьба Юдифи в сознании читателя была проецирована на игру актрисы А. Ристори, о которой знал весь Петербург (в то время она гастролировала в России).

Катков негодуяюще восклицал: «Но, о новые Юдифи! поведайте нам, ради каких великих благ пятнаете вы свою непорочную чистоту, "какой другой не видавали люди"? О, господа, не пятнайте себя понапрасну! Не приносите ненужные жертвы! Не оправдывайте себя подвигом: никакого подвига не имеется. Вы и себя обольщаете, и обманываете других. (...) Со временем, может быть, вы откажетесь от шарлатанства; ваши понятия станут яснее (начинают же разъясняться мало-помалу экономические понятия г. Чернышевского, а это добрый задаток); после вы хватитесь, но будет поздно. С презрением оглянетесь вы на свое прошлое и, может быть, глубоко пожалеете о шутовской роли, которую вы играете теперь»¹⁶ (*Русский вестник*. 1861. Февраль). Катков предупреждал о пагубности самой идеи революционной жертвенности.

Он надеялся в статье «Старые боги и новые боги», что Чернышевский «начинает уже говорить человеческим языком по предметам политической экономии. Il s'humanise, se monsieur <Он облагораживается, этот господин>»¹⁷. Чернышевский не преминул пополнить «коллекцию полемических красот» этой выдержкой из *Русского Вестника* и отозвался на нее так: «Это отличная насмешка. (...) Но я боюсь, что ошибся *Русский Вестник* в предположении, будто мои экономические мнения исправляются. Это я считаю за знак доброты ко мне, не больше; благодарю, но принять не могу»¹⁸.

¹⁴ Катков М.Н. По поводу «полемических красот» в *Современнике* // он же. Собр. соч. В 6 тт. Т. 1. С. 400.

¹⁵ Чернышевский. Полемические красоты ... С. 77.

¹⁶ Катков М.Н. Старые боги и новые боги // он же. Собр. соч. В 6 тт. Т. 1. С. 328.

¹⁷ Там же. С. 326.

¹⁸ Чернышевский. Полемические красоты ... С. 78.

По прочтении другой статьи Каткова из *Русского Вестника* «Наш язык и что такое свистуны» (1861. Март) Чернышевский высказывался особенно остро. На этот раз речь шла о правах и об эмансипации женщин. Катковский журнал саму эту проблему иронически исключает из социальной плоскости, обращаясь сугубо к женской индивидуальности: «Права женщины! Но кто же отнимал у ней эти права, или каких еще прав ей надобно? В гражданском положении она, именно у нас, ничем не уступает мужчине, она не подлежит опеке и совершенно самостоятельна. В доме она хозяйка, в салоне она царица; в литературе, в искусстве, даже в науке, ей везде есть место, был бы только талант и охота. Правда у нас нет амазонских полков и женских департаментов. Но неужели женщина этого хочет?»¹⁹. Тема эта, как известно, особенно волновала Чернышевского: «О чем это вы говорите? О комплиментах, галантерейностях, о том, что женщина – царица общества, воздушное существо? Да ведь это "особое уважение, эта особая деликатность" необыкновенно пошлы: ими унижается женщина; ими тяготится каждая не то что эмансипированная, а каждая женщина, имеющая от природы ум и чувствующая свое человеческое достоинство»²⁰. Катков подхватывает диалог, апеллируя к профессору П.Д. Юркевичу: «Какой приятный слог и какой блестящий фейерверк из "деликатесс", "галантерейности", "конфет" и "чувства человеческого достоинства"! (Слышите, г. Юркевич – *Человеческого достоинства!* Пациент ваш поправляется) И все из-за чего?»²¹.

Именно с 1862 г. и затем во время польского восстания Катков начинает резкое обличение нигилистов и стремится к великодержавию по отношению к Польше. В польском вопросе он окажется в одиночестве, не поддержанный поздними славянофилами (Иван Аксаков) и даже либеральными изданиями, получившими правительственные субсидии. Катков выскажет и принципиальное несогласие со статьей Н.Н. Стрхова «Роковой вопрос», опубликованной в журнале братьев Достоевских *Время*. Статья эта послужила поводом к закрытию издания. В ней Стрхов, отказывая России, в сравнении с Польшей, в европеизме, преувеличил значение народной цивилизации.

Катков в № 5 *Русского Вестника* за 1863 года высказал свое принципиальное отношение к поздним славянофилам: «Увы! мы все более и более убеждаемся, что все эти модные у нас теперь толки о народности, о коренных началах, о почве и т.п. не обращают мысли ни к народности, ни к коренным началам, не приводят ее к чему-нибудь дельному, а, напротив, еще пуще уносят ее в туман и пустоту. В этом-то тумане и разыгрываются все недоразумения наших мыслителей и пророчествующих народолюбцев»²². Здесь неприкрытый выпад и против всех «почвенников», Достоевского. Заметим, что с ним Катков возобновит отношения

¹⁹ Катков М.Н. Наш язык и что такое свистуны // он же. Собр. соч. В 6 тт. Т. 1. С. 352-353.

²⁰ Чернышевский. Полемические красоты С. 82.

²¹ Катков. По поводу «полемических красот» в *Современнике* С. 409.

²² Цит. по: Неведенский С. Катков и его время // Катков М.Н. Собр. соч. В 6 тт. Т. 6. С. 326.

только в 1865 г. уже после гражданской казни Чернышевского (31 мая 1864 г). Публикацией *Преступления и наказания* в *Русском Вестнике* окончательно оформляется сотрудничество Достоевского и Каткова на основе поддержки православия и монархизма.

Появление *Что делать?* Катков подчеркнуто не заметил. Это было демонстративное молчание. Первый раз он отозвался о романе Чернышевского только в 1879 году в статье для *Московских Ведомостей* (17 июня. № 153). Называлась она громоздко: «Нигилизм по брошюре проф. Цитовича "Коран нигилизма. Что делали в романе "Что делать?"»»). По нашему предположению, Катков приступил к ней после ошибочной вести о том, что сибирского узника не стало. Он писал: «И действительно, автор "Что делать?" в своем роде пророк. Много, что представлялось ему как греза, совершилось воочию: новые люди разошлись или сами собой, или разосланы на казенный счет по градам и весям, тщатся на практике осуществить уроки учителя, далеко превзойдя его надежды, еще запечатленные некоторой сентиментальностью»²³.

Он напомнил и предсказание Чернышевского, цитируя роман: «Еще немного лет, и станут их проклипать, и они будут согнаны со сцены, ошиканые, срамимые»²⁴. Катков не поверил: «Но пророчество о согнанных со сцены не оправдилось. Этот тип разросся страшно, и Маниловы нигилизма составляют теперь главную часть нашей интеллигенции»²⁵. Он ошибся. Пройдет не так много лет и тип «новых людей» исчезнет в пламени революции.

²³ Катков М.Н. Собр. соч. В 6 тт. Т. 1. С. 689.

²⁴ Там же. С. 693.

²⁵ Там же. С. 694.